

Н. Д. КОЧЕТКОВА

ИДЕЙНО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОЗИЦИИ МАСОНОВ
80—90-х ГОДОВ XVIII в. и Н. М. КАРАМЗИН

Для изучения сложной диалектики связей русской литературы с общественным движением оказалась полезна дискуссия о проблемах Просвещения в литературе XVIII в.¹ На дискуссии справедливо указывалось, что «идеология Просвещения» является этапом в истории буржуазно-демократической общественной мысли, что «„естественный человек" просветителей есть предвосхищение буржуазного человека».² Бесспорно также, что далеко не всякая передовая общественная мысль могла выступать в форме просветительской идеологии.³ При этом окажется (особенно, если учесть, что характернейшая черта просветителя в том, что он «видит в распространении образования, пропаганде знаний единственное средство развития общества»),⁴ что в России конца XVIII в. было немало направлений, которые хотя и нельзя причислить к Просвещению, но следует рассматривать в тесной связи с этой проблемой. Благодаря такой постановке вопроса (не догматической, но истинно научной и творческой) в самое последнее время преодолевается известная односторонность, которая долго проявлялась в слишком прямолинейном и неоправданном противопоставлении «прогрессивного» и «реакционного», в злоупотреблении черной и белой красками. Эта односторонность отразилась и на оценке деятельности Карамзина как полного «антипода» Радищева. В последних работах о Карамзине уже показана ошибочность такого подхода.⁵ Исследователи говорят о «просветитель-

¹ Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII в. Изд. АН СССР, М.—А., 1961.

² Там же, стр. 144.

³ Там же, стр. 145.

⁴ Там же, стр. 8—9.

⁵ В. В. Виноградов. Неизвестные сочинения Карамзина. — В кн.: Проблема авторства и теория стилей. Гослитиздат, М., 1961, стр. 219—361;

ском гуманизме» Карамзина,⁶ о том, что во многом он оказался «верным учеником Монтескье и Руссо», что, следуя за просветителями», «верил в могучую силу просвещения»,⁷ что это был «der von den Ideen der Aufklärung geprägte Schriftsteller» («писатель, сформированный идеями Просвещения»)⁸ и т. д. Разумеется, имело место непосредственное влияние западных просветителей на Карамзина. Нельзя не учитывать и связей его идей с некоторыми идеями русских самых передовых общественных деятелей, в том числе и Радищева. Вопросу о том, что было общего у Карамзина с Радищевым, посвящен целый цикл статей Э. Веделя.⁹ Однако по всем имеющимся биографическим материалам о Карамзине¹⁰ известно, что формирование его взглядов в 80-х годах проходило в близком окружении крупных масонских деятелей: Н. И. Новикова, А. М. Кутузова, А. А. Петрова и др.¹¹

Естественно, возникает вопрос: во всем ли противостояло масонство просветительству или в чем-то сближалось с ним?

Вполне закономерно в нашей науке появление и нового подхода к вопросу о масонстве: требование не отделять от него наиболее прогрессивных деятелей (главным образом Н. И. Новикова), но объективно оценить значение масонства, — не только в плане про-

Е. Н. Куприянова и Л. Н. Назарова. Русский роман первой четверти XIX века. От сентиментальной повести к роману. — В кн.: История русского романа, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 66—85; Г. П. Макогоненко. Литературная позиция Карамзина в XIX веке. — «Русская литература», 1962, № 1, стр. 68—106.

⁶ Е. Н. Куприянова и Л. Н. Назарова, ук. соч., стр. 68.

⁷ Г. П. Макогоненко. Литературная позиция Карамзина в XIX веке, стр. 89.

⁸ W. Mittfer. Die Entwicklung der politischen Anschauungen Karamzins.— Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Historische Veröffentlichungen der Freien Universität Berlin, Bd. 2, Berlin, 1955, стр. 198. Хотя автор явно недооценивает значения наиболее передовых русских деятелей, особенно Радищева, он подходит к исследованию не с формалистических позиций (как многие другие ученые Запада), и это позволяет ему более или менее объективно оценить деятельность Н. М. Карамзина.

⁹ E. Wedel. 1) Radisev und Karamzin. — «Die Welt der Slaven», Jg. IV, N. 1, 1959, стр. 38—65; 2) A. N. Radisev «Reise von Petersburg nach Moskau» und N. M. Karamzins «Reisebriefe eines Russen». — Die Welt der Slaven», Jg. IV, N. 3, 1959, стр. 302—328; N. 4, 1959, стр. 435—443.

¹⁰ В. В. Сиповский. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899; М. П. Погодин. Н. М. Карамзин. М., 1866; Н. С. Тихонравов. Четыре года из жизни Н. М. Карамзина. — Н. С. Тихонравов, Собрание сочинений, т. III, ч. 1, М., 1898, стр. 258—275; и др.

Совсем недавно Г. П. Штурмом был опубликован новый интересный документ, подтверждающий, что Карамзин совершил свое путешествие действительно на средства Дружеского ученого общества (Г. П. Штурм. Новое о Пушкине и Карамзине. — «Известия АН СССР, Отдел, литер, и языка», т. 19, вып. 2, 1960, стр. 144—151). Здесь опубликована запись Ф. Глинки, сделанная со слов Карамзина (Центр, гос. архив литературы и искусства, ф. 141, оп. 1, № 28, л. 8).

тивопоставления прогрессивному крылу.¹² Только тогда можно будет объяснить, почему масонство привлекало к себе так много образованных, умных и талантливых людей, среди которых оказался и Н. М. Карамзин. Однако при этом очень важно учесть еще то обстоятельство, которое уже было отмечено советским литературоведением. Здесь идет речь о том, что «это мировоззрение не было целостным и неподвижным: оно эволюционировало и имело сложную филиацию идей».¹³ Эту же мысль развивает А. В. Позднеев в своей интересной работе, основанной на изучении рукописных текстов масонских песен.¹⁴

Нет необходимости последовательно и подробно характеризовать здесь круг основных идей масонства, на разных его этапах и в разных направлениях, тем более, что этим вопросам посвящены фундаментальные известные работы М. Н. Лонгинова, П. П. Пекарского, С. В. Ешевского, А. Н. Пыпина, Т. О. Соколовской, Г. В. Вернадского и др.

Однако собственно литературная деятельность масонов, их литературные вкусы, связи масонства с теми или иными литературными направлениями — еще не получили достаточного освещения в нашей науке.

Настоящая, статья представляет собой попытку поставить две названные уже проблемы: 1) связь масонства с просветительством, 2) литературные интересы масонов.

Переходя к своей первой задаче, ограничимся двумя вопросами, тесно связанными между собой и в то же время близко касающимися проблемы Просвещения: 1) отношение масонства к науке и образованию; 2) отношение масонов к идее внесловной ценности человека, идее «естественного человека».

При этом нужно помнить, что самое понятие «науки» в то время, конечно, было очень далеко от современного понимания. Точные и естественные науки в России быстро развиваются в конце XVIII в. Большую роль в этом сыграл Московский университет и Академия наук, особенно с тех пор как ее директором стала Е. Р. Дашкова (с 1783 г.). С момента основания университета (1755) прошло уже достаточно времени, чтобы сказались результаты его деятельности. Работы Озерецковского, Севергина, Румовского, Лепёхина и многих других ученых были крупным вкладом в науку («науку» в нашем современном смысле слова). И все же бесспорно, что гуманитарные науки — философия, история, филология — тогда стояли на первом плане. Значительный

¹² См.: Ю. М. Лотман. «Сочувственник» А. Н. Радищева А. М. Кутзов и его письма к И. П. Тургеневу. — «Ученые записки Тартуского ун-ва», вып. 139, Труды по русск. и славянск. филолог., 6, 1963, стр. 281—296.

¹³ Н. К. Пикеев. Масонская литература. — В кн.: История русской литературы, т. IV, Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 51.

¹⁴ А. В. Позднеев. Ранние масонские песни. — «Scando-Slavica», t. 8, MCMLXII, стр. 26—64.

разрыв между отдельными отраслями знания приводил часто к большим ошибкам и заблуждениям (особенно в области философии). Естественно поэтому, что люди того времени часто считали «наукой» такие занятия, которые на самом деле не имеют никакого научного значения (как например масонская магия и кабалистика). Но даже такая «наука» требовала подготовки и, разумеется, общего образования.

В России, как и на Западе, проблема образования была очень злободневной в течение всего XVIII в. Но в конце столетия, когда буржуазные отношения стали особенно широко проникать в русское общество, значение науки, культуры и образования все больше и больше возрастает. Об этом свидетельствует прежде всего невиданное до сих пор оживление книгоиздательского дела. Это был не только количественный рост, но и качественный: среди переводных книг появляются лучшие произведения современной западной литературы, а также серьезные научные работы.¹⁵

Дальновидная и умеющая ловко соблюдать свои выгоды правительница, Екатерина II прекрасно понимала, какое большое значение приобретает дело образования. Хорошим примером для нее в этом отношении послужила также деятельность австрийского императора Иосифа II, вступившего на престол в 1780 г. Сущность его политики состояла в том, чтобы всю духовную жизнь своих подданных (прежде всего образование и религию) подчинить по возможности государственному контролю. Именно по рекомендации Иосифа II в Россию в 1782 г. приезжает серб Янкович де Мириево и возглавляет работу комиссии по организации народных училищ. Труды этого замечательного человека, искренне преданного своему делу, безусловно, оставили крупный след в культурном развитии России.¹⁶ Таким образом, создание комиссии оказалось не только выгодным делом для императрицы, но и полезным моментом для действительного развития образования. Однако нужно отметить, что русский устав комиссии (1786), почти полностью заимствованный из австрийского устава (1774), рассчитан на более узкую сферу действия. Здесь нет принципа всеобщности и обязательности образования, и организация школ предусмотрена только в городах, в противоположность австрий-

¹⁵ Прекрасное представление об этом дают библиографические перечни: В. П. Семенников. 1) Собрание, старающееся о переводе иностранных книг. СПб., 1913; 2) Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и типографической компании. Пб., 1921; А. С. Архангельский. Императрица Екатерина II в истории русской литературы и образования. Казань, 1897; Рукописный каталог Отдела редкой книги Библиотеки Академии наук СССР.

¹⁶ М. И. Сухомлинов. История Российской академии, т. IV. СПб., 1878, стр. 246—248, 271; т. VII, СПб., 1885, стр. 144—151; А. Воронов. Ф. И. Янкович де Мириево, или Народные училища в России при императрице Екатерине II. СПб., 1858; Н. А. Константинов. Выдающийся русский педагог Ф. И. Янкович. — «Советская педагогика», 1945, № 9, стр. 38—47.

ской системе.¹⁷ Всякий путь к образованию, не контролируемый правительством, был явно нежелателен для Екатерины. Этим и было вызвано ее недоверчивое отношение к частным пансионам, ревизию которых было поручено произвести в 1784 г. О. П. Козодавлеву,¹⁸ и, особенно, к просветительской деятельности масонов. В современной науке уже достаточно хорошо показана роль Н. И. Новикова в развитии русской культуры и образования; изучены материалы, связанные с историей преследования Новикова со стороны правительства.¹⁹ Однако во многом Новиков не являлся исключением среди масонов.

Особенно замечательна была роль И. Г. Шварца, не только ближайшего сподвижника Новикова и главы московских масонов, но учителя А. А. Петрова и в некотором отношении Н. М. Карамзина.²⁰ В. В. Сиповский считал возможным даже сближать взгляды Шварца со взглядами иллюминатов, полагая, что у него «еще более данных для роли просветителя», чем у Новикова.²¹ Нельзя согласиться с таким мнением, но следует признать, что Шварц много сделал для русской культуры, способствовал не только знакомству русских людей с немецкой системой образования, но (что было особенно ново и важно) во время своей поездки

Германию старался познакомить немцев с русской системой.

Когда в июне 1780 г. Иосиф II посещает Московский университет, Шварц преподносит ему свою книгу «Entwurf der Grundsätze des deutschen Stils» («Начертание основ немецкого стиля»), посвященную Иосифу как охранителю немецкого языка.²³ Казалось бы, для Екатерины II, проявившей вдруг такое внимание к делу просвещения в Австрии, Шварц мог бы стать в этом союзником. Однако его не привлекли к участию в деятельности комиссии, а в своих собственных начинаниях он не получил никакой правительственной поддержки. Напротив, он был вынужден подать в отставку, и лекции, которые он читал на дому, тоже пришлось прекратить.

Может быть, Екатерина, боявшаяся зарубежных связей русских масонов, вспомнила и о Шварце, когда писала М. М. Голи-

¹⁷ С. В. Рождественский. Очерки по истории систем народного просвещения в России, т. I. СПб., 1912, стр. 552—561.

¹⁸ В 1785 г. 7 октября Екатерина посылает указы графу Брюсу и Платону о проверке деятельности московских учебных заведений (см.: М. Н. Лонгинов. Новиков и московские мартинисты. М., 1867, Приложение, стр. 016—017).

¹⁹ Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. Гослитиздат, М.—Л., 1951.

²⁰ Карамзин в юности слушал лекции Шварца. Его бюст стоял в комнате Карамзина (см.: И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. — В кн.: И. И. Дмитриев, Сочинения, т. II, СПб., 1893, стр. 24—26).

²¹ В. В. Сиповский. Новиков, Шварц и московское масонство. — В кн.: Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». Приложение, стр. 9.

²² Н. С. Тихонравов. Профессор И. Г. Шварц. — Собрание сочинений, т. III, ч. 1, М., 1898, стр. 60—81.

²³ Там же, стр. 70.

цыну в апреле 1791 г., чтобы он не посылал своих детей в немецкие училища, где «одни явные безбожники, другие, лицемерствуя, стараются отклонять умы от участия в делах света» и своих учеников «упражняют сновидениями и разными иными нелепостями мартинизма».²⁴

Самоотверженная работа И. Г. Шварца, стремившегося сделать все возможное для широкого распространения образования, служит практическим опровержением его агностицизма и мистицизма в теории. Однако здесь не было никакого противоречия. Во многих исследованиях, посвященных масонству, говорится о постепенной эволюции взглядов русских масонов от разума к мистике (от Елагинской системы К розенкрейцерству). Такая точка зрения вполне справедлива; из этого делается вывод, что с 80-х годов масоны начинают «поход против разума, а стало быть, и против науки».²⁵ Действительно, их отношение к науке изменилось, на первый план выдвинулись религиозно-нравственные проблемы, которым всецело оказалась подчинена наука. Приобретение знаний само по себе никогда не было для них целью: оно интересовало их постольку, поскольку могло служить разрешению задач морального порядка. Например, автор одной из статей «Магазина свободно-каменщического» определяет главную цель масонов так: создать «учреждение, управляемое здравым рассудком, делающее человек добродетельными и купно счастливыми».²⁶ Для достижения этого абстрактного общечеловеческого «блага» они ищут разные пути. Поскольку разум оказывается несостоятелен, на помощь приходит религия, «упование на бога». Однако если Шварц в своих лекциях о трех познаниях (1782) выше всего ставит откровение, «стремление духа» и считает, что «никакое умствование человеческое... неудобно... довести нас до истинных познаний», то это вовсе не означает, что он вообще отрицает путь разумного знания. Проследить этот своеобразный ход мысли можно на материале статей из «Вечерней зарй», несомненно отражавших взгляды Шварца. «В «Рассуждении о истинном человеческом благе»²⁷ автор заявляет, что «тщетно мы себя ласкаем надеждою истинного блаженства», потому что «человек никогда не успокаивается в своих желаниях». Искать «истинное благо» — это значит искать средство «возвыситься к божеству». Если достигнуть этого нельзя, то можно, однако, стремиться приблизиться к этому. Реальный же путь оказывается такой: «Человек чем совершеннее делает свой разум, тем ближе подходит к своему подлиннику, чем просвещеннее и добродетельнее бывает, тем больше подобится своему творцу». Еще более ясно и прямо говорится дальше: «Кто для удобней-

²⁴ «Русский архив», 1865, вып. 9, стр. 1138.

²⁵ Н. К. П и к с а н о в. Масонская литература, стр. 58.

²⁶ «Магазин свободно-каменщический», 1784, т. I, ч. 1, стр. 27.

²⁷ «Вечерняя заря», 1782, ч. I, стр. 185—199.

шего чтения книги природы может еще себе пособие брать от наук и закона, тому тем ближайший будет путь к его предмету».

Примерно такая же логика и в другой статье — «Рассуждение о блаженстве».²⁸ Если причина, мешающая истинному блаженству, в том, что «слабость разума не позволяет иметь успеха во всех изысканиях» и «желания превосходят наши силы», то, расширив свои познания, человек может соразмерять свои желания с действительностью и меньше страдать от невыполненных желаний; так как «совершенное блаженство предполагает весьма пространные познания», человек «может чинить непрестанные успехи в достижении совершенного блаженства».

Итак, наука для масонов представляет интерес постольку, поскольку она может сделать людей более счастливыми, хоть немного приблизить их к тому совершенному состоянию, в котором пребывал человек до своего падения, когда он был не «рабом Натуры», но ее «царем» и имел «неограниченный разум, проницание в самую внутренность природы» и «совершенство в нравственности» (так говорит Шварц в своем трактате «О возрождении»)²⁹. Правда, дальше подробно обосновывается мнение, что изучение священного писания важнее, чем «прочие умственные увеселяющие книги»,³⁰ но «познание, мудрость — участие во всемогуществе божем, яко орудие, в котором и чрез которое бог совершает дела свои».³¹

Изучение законов природы, таким образом, не отрицается, а служит как бы вспомогательным средством, не первостепенным, но существенным для познания бога, так как законы природы — это «божественные законы» и «натура есть образ человека, а человек есть образ божества».³² На вопросы, присланные от А. А. Нартова, Шварц отвечал так, говоря о «прямом источнике знания»: «Когда первые полученные знания таковы суть, что они пременяют человека, делают его лучшим... и решают совершенно то, что прежде сомнительно было, то мы тот источник, из коего оные проистекают, почитаем справедливым».³³ На вопрос, «упражняются ли (масоны, — Н. К.) в познании натуры», он отвечал утвердительно, прибавляя глубокомысленно: «...да и в чем ином упражняться человеку, поелику он сам есть микрокосмос».³⁴ Итак, хотя масонская наука противостоит передовому естествознанию

²⁸ «Вечерняя заря», 1782, ч. II, стр. 15—51.

²⁹ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР (ИРЛИ), 4880/XX б 47, л. 31. Подпись: И. Е. Ш. Подобное отношение к науке было и у других масонов (см.: В. Боголюбов. Н. И. Новиков и его время. М., 1916, стр. 207—220).

³⁰ Рукописный отдел ИРЛИ, 4880/XX б 47, л. 39.

³¹ Там же, л. 67.

³² Присланные вопросы от А. А. Нарт[ова] и ответы И. Е. Ш.—Там же, л. 124.

³³ Размышление о науке масонской. Без подписи. — Там же, л. 72.

³⁴ Там же, л. 132.

XVIII в., отношение масонов к образованию и распространению знаний бывало иногда близко к просветительству. Приведенные рассуждения Шварца подтверждают это.³⁵

Московские мартинисты, во многом воспринявшие идеи Шварца, развивают их дальше по-разному. Н. И. Новиков разворачивает активную просветительскую деятельность в самом прямом смысле. При этом он в значительной степени руководствуется принципами, близкими Шварцу, хотя не принимает его наиболее мистических идей.³⁶ Что касается других масонов, то исследователи намечают два основных направления: 1) связанное с интересом к пиетизму и квиетизму (сочинениям Арндта, Фомы Кемпийского, г-жи Гюйон и др.), 2) связанное с увлечением алхимией и магией. К первому причисляют И. В. Лопухина, М. И. Невзорова, В. Я. Колокольникова, отчасти И. П. Тургенева и С. И. Гамалею и других, ко второму — А. М. Кутузова, Н. Н. Трубецкого, А. А. Петрова, отчасти также И. П. Тургенева и С. И. Гамалею.³⁷ Широкое распространение получает идея самопознания как универсального ключа ко всем тайнам природы. Так, С. И. Гамалея подчеркивал, «сколь нужно человеку познание самого себя, без которого он не может достичь и познания природы и, самого творца природы».³⁸ Это увлечение идеей самопознания приводило иногда масонов к отрешенности от реального мира, к довольно фанатическим выводам: «Суета есть взирати точию на настоящую жизнь, будущих же не предвидети».³⁹

Масонская «наука» в большей или меньшей степени почти всегда была связана с религией. В России просветительство, в отличие от Запада, не имело атеистической направленности. Как известно, А. Н. Радищев, Д. И. Фонвизин и многие другие передовые люди той эпохи, смело выступавшие против церкви, были деистами.

Но и масонство во многих отношениях тоже явилось своеобразным протестом против официальной религии. В этом смысле очень характерно для отдельных масонов сопоставление своего братства

³⁵ Так подробно пришлось говорить о Шварце, учитывая его влияние и популярность, которыми он пользовался в среде московских мартинистов и друзей Карамзина. О его влиянии см.: М. Н. Лонгинов. Новиков и московские мартинисты, стр. 126—128 и др.; Ода на кончину И. Е. Шварца. Приложение, стр. 014—015.

* О расхождении взглядов Новикова и Шварца см.: Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII в., стр. 447—461; Е. П. Привалова. Первый русский детский журнал «Детское чтение для сердца и разума» Н. И. Новикова. Диссертация на степень кандидата педагогических наук, Ленингр. гос. пед. институт им. А. И. Герцена, 1942, стр. 61—86.

³⁷ Г. В. Вернадский. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пгр., 1917, стр. 127; В. Тукалевский. Из истории философских направлений в русском обществе XVIII в. — «Журнал Мин. нар. проев.», 1911, т. XXXIII, стр. 68.

³⁸ Письма С. И. Г., ч. I, М., 1832, стр. 122.

³⁹ О подражании Иисусу Христу. Творение Фомы Кемпийского. СПб., 1780, стр. 2.

со служителями древних мистерий, подвергавшимися гонениям, но владевшими якобы истинной религией. Так, об этом говорится в «Рассуждении о начале вольных каменщиков»⁴⁰ как о характерной черте масонов. Подробное обоснование эта мысль получила в книге И. Штарка «О древних мистериях или таинствах, бывших у всех народов», переведенной А. А. Петровым в 1785 г. Здесь прямо говорится: «Существо таинств древнего мира — утверждение некоторых учений, противных владычествующей религии».⁴¹ Много места здесь уделено примерам, свидетельствующим об отрицательном отношении церковных отцов к мистериям. При этом автор заявляет довольно смело: «Наружная религия — преглупое суеверие. Преподаваемое в мистериях — в существе своем учение здравого рассудка, а в некотором отношении — божественная истина, сообщенная с добродетелью, важными учениями и предписаниями».⁴² Таким образом, это было не отрицание религии вообще, а поиски более твердого основания для веры. Не желая и не умея отказаться от всякого бога, масоны ищут «истинную религию». Для лучших из них (в том числе и для переводчика книги Штарка, друга Карамзина — А. А. Петрова) попы-невежды, фанатики и лицемеры казались, вероятно, не менее отвратительны и ненавистны, чем для Д. И. Фонвизина и И. А. Крылова, зло и остроумно высмеивавших их в своих сатирических произведениях.

Никакая религия не могла отвлечь Петрова от практической деятельности переводчика, критика, издателя. Цель его занятий магией и кабалистикой, по всей видимости, — это создание идеального совершенного человека, который обладает, в частности, абсолютным знанием. В «Хризомандере», переведенном Петровым (1783),⁴³ идея превращения металлов представляет собой не только «аллегорию, знаменующую превращение дурного человека

⁴⁴

в хорошего»; здесь очень существенна также идея познания, мудрости, способной проникнуть во все тайны природы, изучить законы происхождения ископаемых, растений, людей.

А. А. Петров не мог, видимо, удовлетвориться абстрактными религиозно-мистическими идеями. Его обширные знания и практический ум⁴⁵ заставляли искать источник знаний здесь, на земле, а не заниматься приготовлением к будущей жизни. Учитывая это,

⁴⁰ «Растущий виноград», 1786, октябрь-декабрь.

⁴¹ И. Штарк. О древних мистериях или таинствах, бывших у всех народов. М., 1785, стр. 9.

⁴² Там же, стр. 19.

⁴³ Хризомандер. Аллегорическая и сатирическая повесть. Тип. Лопухина, М., 1783.

⁴⁴ М. Н. Лонгинов. А. А. Петров и переведенный им «Хризомандер». — В кн.: Сборник литературных статей, посвященных памяти А. Ф. Смирдина, т. IV, СПб., 1859, стр. 26.

⁴⁵ В. Сайтов. А. А. Петров. — Русский биографический словарь. СПб., 1902, стр. 651—653; Е. П. Привалова, ук. соч., стр. 14—23; И. И. Дмитриев, Сочинения, т. II, СПб., 1893, стр. 26.

можно понять его несколько ироническое отношение к тем «братьям», которые слишком усердствовали в деле своего морального усовершенствования. Действительно, явная насмешка звучит в его письме к Н. М. Карамзину 20 сентября 1789 г. при описании одного события во время пожара в Москве. Чтобы можно было ощутить иронию, приведем всю эту довольно большую выдержку:⁴⁶ «В этом пожаре неучтивый огонь не пощадил между прочими домами и жилища одного из бывших дражайших наших братьев (приятелей), не рассудив о том, что вместе с домом может разрушить и философию хозяина. Ты должен знать этого бр. (приятеля)—пузатой купец, с величавой поступью, принадлежал к стаду Ф. П. К.⁴⁷ (который вообще) всеми нами почитался философом. Лишившись дому, Господин Философ целый день неутешно плакал, как то бы, может быть, и я в таких обстоятельствах сделал. Простодушные знакомцы его дивились, видя Русского Сенеку плачущего и изъявили ему свои удивления. Он отвечал им: „Не о доме моем плачу, ибо знаю, что дом^ и всякое другое имение суета суть. Но под кровлею моего дома птичка свила себе гнездо, оно теперь разорено, и о ней-то я плачу“. Простодушные знакомцы дивились такому (сему) великодушию, славили философию, могущую возвысить человека до такой степени и восклицали: „О великий.муж! Забывая о своем несчастье, плачет о малой птичке!“ И я восклицал вместе с ними: „О проклятые лягушки! Зачем выгнали вы абдеритов из их гнезда и заставили рассеяться по всему свету!“.— Что ты скажешь о сем философе? Пожалей об нем, естли сможешь; я не могу: ведь ему не приключилось никакова несчастья (!), достойны сожаления только бедная птичка и все те бедные люди, которых дома вместе с его домом сгорели».

К сожалению, из-за недостатка сведений о Петрове, трудно судить о его взглядах, в частности касающихся науки и религии. Но, оставаясь учеником Шварца, он воспринял главным образом не его религиозное учение, а мысль о том, что счастья можно достигнуть только путем расширения знаний. Эта идея звучит в стихотворении, напечатанном в III части «Московского журнала» (1791) за подписью «—въ» и принадлежащем именно Петрову:⁴⁸

⁴⁶ Цитирую по рукописи (Рукописный отдел ИРЛИ, арх. Тургеневых, № 124, л. 293), так как печатный текст не совсем точен (см.: «Русский архив», 1866, стр. 1759). К первой публикации («Памятник отечественных муз». Альманах на 1827 г., Отд. I, стр. 10—24), видимо, готовил письма сам Карамзин, судя по поправкам в рукописи его рукою. Зачеркнутое Карамзиным выделяем разрядкой, вставленное им — в круглых скобках.

⁴⁷ М. Н. Лонгинов предполагает, что это Федор Петрович Ключарев (см.: «Русский архив», 1866, стр. 1759).

⁴⁸ О принадлежности этого псевдонима Петрову см.: А. Н. Неустроев. Историческое разыскание. СПб., 1874, стр. 704; И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов, т. J. M., 1956, стр. 224.

Старайся лишь в свой век любить добродетель,
К которой нас зовет Nature всей содетель;
Люби ты чтение, люби в науках свет:
Нам счастливыми быть иного средства нет.⁴⁹

Таким образом, и в представлении Петрова «чтение» и «науки» неразрывно связаны с вопросами морали. Подобное отношение к знаниям было у А. М. Кутузова, который в 1781 г. переводит сочинение Х. Ф. Геллерта «Наставление отца сыну, которого отправляет он в Академию».⁵⁰ Напутствуя сына, отец говорит ему: «Ты посвящаешь себя наукам, долженствующим исправить разум твой и сердце и сделать тебя способным к доставлению собственного счастья».⁵¹

Если же вся «наука» некоторых масонов Сводилась к религии и только к ней, то их взгляды, естественно, приобретали все более и более реакционный характер.

И. В. Лопухин (оказавшийся среди масонов самым верноподанным по отношению к правительству Екатерины) развивал фанатические идеи в духе Фомы Кемпийского о том, что «должно упражнять волю свою в насилании всех естественных свойств и сил своих на исполнение заповедей Христовых, на подражание внутренне и внешне его примеру».⁵² Однако, к счастью, подобные декларации оставались чаще всего только на словах. Даже у самых страстных апологетов христианства среди масонов было одно очень крупное (особенно для того времени) достоинство — известная веротерпимость. Лопухин не одобрял секту духоборцев, но он возмущался дикими жестокостями, с которыми пытались вернуть духоборцев в истинную веру, помещая, например, в «камеры», где «ни стоять во весь рост нельзя и лечь, протянувшись».⁵³ Однако увлечение религиозными идеями не мешало некоторым масонам принимать живое участие в культурной жизни страны.

Примером может служить деятельность И. П. Тургенева, ставшего позднее (с 15 ноября 1796 г.) директором Московского уни-

⁴⁹ «Московский журнал», ч. III, кн. 2, 1791, стр. 128—129.

⁵⁰ «Московское ежемесячное издание», 1781, август, стр. 259—294. Подпись А. К. Ср.: P. V g a n g. A. M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Russland. — «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. 30, 1962, стр. 51—52. Эта статья привлекала внимание русских переводчиков и позднее. См. перевод А. Андреева, приложенный к книге «Образ благочестия добродетели и благонравия, или Жизнь и свойства Геллерта, описанные И. А. Крамером» (СПб., 1789, стр. 273—320), перевод В. Борисова (М., 1799) и перевод Ф. П. (СПб., 1802). Два последних указаны у В. Сопикова (В. С о п и к о в. Опыт российской библиографии, ч. III. СПб., 1815, стр. 227), но в библиотеках Ленинграда отсутствуют.

⁵¹ Московское ежемесячное издание, стр. 260.

⁵² И. В. Лопухин. Некоторые черты о внутренней церкви. — В кн.: Масонские труды. 1913, стр. 35.

⁵³ И. В. Лопухин. Отзыв искренности. — Рукоп. отдел Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, арх. Жуковского, т. 2, № 289, л. 7 об.

верситета. Он делал все возможное, чтобы улучшить положение профессоров и служащих университета, стремился расширить круг учащихся: за счет университета он дал возможность учиться более ста «сверхкомплектным» студентам, а для небогатых организовал специальный пансион за умеренную цену.⁵⁴ Таким образом, масоны, далекие от современного понимания «науки», во многом помогли развитию образования в России.

Вера в просвещение человека знаниями не мешала при этом их восхищению Руссо,⁵⁵ который, в противоположность Вольтеру, не отказывался от веры, но проповедовал «естественную религию», «религию сердца и совести», не признававшую «никакой догмы и культа».⁵⁶

Проповедь природного равенства духовных способностей всех людей, вне их сословной принадлежности⁵⁷ лежит в основе большинства масонских сочинений. Так, в переводном «Опыте о тайнствах и подлинном предмете каменщичества» разъясняется, что масоны признают различие людей только по добродетели, но не «по чину, породе, богатству»,⁵⁸ а поэтому «равенство — первый закон масонства».⁵⁹ Эта же мысль нашла свое выражение в «Уставе вольно-каменщическом» («Поучении, читанном братом-секретарем. .. в русских ложах конца XVIII и первой четверти XIX вв.»): «Ежели ты стыдишься состояния своего, знай — это гордость; размысли, что унижить тебя или облагородить могут не звания, а поступки твои».⁶⁰ Но все эти размышления о равенстве были бесконечно далеки от каких бы то ни было революционных выводов.

Интерес к жизни простых людей, не испорченных предрассудками света, никогда, однако, не приводил масонов к идеализации «дикого человека».⁶¹

Для масонов, свято веривших в образование и науку, «дикий человек» при этом был лучше, чем цивилизованный, но испорченный «ложной наукой». Так, Шварц писал: «Человек, живучи

⁵⁴ М. П. Третьяков. Императорский Московский университет. — «Русская старина», 1892, № 7, стр. 110—114.

⁵⁵ Об увлечении масонов Руссо см.: Г. В. Вернадский, ук. соч., стр. 116—117; М. Ehrhard. V. A. Joukovski et le préromantisme russe. Paris, 1938, стр. 49—50; и др.

⁵⁶ К. Н. Державин. Руссо и руссоизм. — В кн.: История французской литературы, т. I, Изд. АН СССР, М—Л., 1946, стр. 759—791.

⁵⁷ Ср.: Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века, стр. 312—327.

⁵⁸ «Магазин свободно-каменщический», 1784, т. I, ч. 1, стр. 36.

⁵⁹ Там же, стр. 29.

⁶⁰ Т. О. Соколовская. Каталог масонской коллекции Д. Г. Бурлыгина. Пб., 1912, стр. 14.

⁶¹ О романе П. Богдановича «Дикий человек, смеющийся учености и нравам нынешнего света» (СПб., 1781; изд. 2-е, 1790) см.: Ю. М. Лотмай. Пути развития русской просветительской прозы XVIII в. — В кн.: Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века, стр. 90—92.

в единении, или между дикими и непросвещенными, ежели имеет пороки, то оне открыты, и таковой не умеет прикрывать оных. Но живучи в большом свете, чрез ложную науку просвещения человек преобразается: но во что ж? Ложные науки открывают ему хитрости, чрез которые он тайно злодействует».⁶² Эта мысль о «ложной науке» очень существенна: признается только то просвещение, которое способствует приближению человека к добру. Но поскольку путь к добру, счастью, общечеловеческому благу разными масонами представляется по-разному (особенно после смерти Шварца), то и разграничение между «истинной» и «ложной» наукой не было единым и твердо установленным для всех масонов.

Исходя из этого, можно объяснить хотя бы отчасти те сложные отношения, которые возникли между разными масонами и Н. М. Карамзиным после его возвращения из путешествия.

О степени воздействия масонских идей на Карамзина в современной науке существуют самые разные точки зрения. Французская исследовательница Марсель Эрар, желая всячески подчеркнуть значение масонского мистицизма для творчества Карамзина, а затем Жуковского, писала так: «Dans la suite Karamzine s'éloigna des maçons sans que leur influence morale sur lui s'effaçât»⁶³ («Впоследствии Карамзин отделился от масонов, хотя их нравственное влияние на него не пропало»).

Г. А. Гуковский считал, что путешествие Карамзина «привело к разрыву с масонами и, началу новой жизни».⁶⁴ Ю. М. Лотман указывал на эволюцию в отношениях Карамзина с масонами, считая, что в период «Московского журнала» взгляды писателя противостояли масонским, а с 1793 г. начинается их новое сближение.⁶⁵ В. В. Виноградов говорит, что «о разрыве Карамзина с масонством по возвращении из заграничного путешествия говорить невозможно»⁶⁶ и что «Московский журнал» был в основном органом группы масонов-отщепенцев; но в этом же журнале Карамзин выступает как «враг масонского мистицизма» (например, в «Разных отрывках из записок одного молодого россиянина», с неодобрением встреченных А. А. Петровым).

Немецкий исследователь Вольфганг Миттер, кратко характеризую отношения Карамзина и масонов, пишет фразу, которая

⁶² Отрывки лекций И. Г. Шварца. — «Друг юношества», 1813, январь, стр. 90—91.

⁶³ Ch. M. Ehrhard. V. A. Joukovski et le préromantisme russe. Paris, 1938, стр. 47.

⁶⁴ Г. А. Гуковский. Карамзин. — В кн.: История русской литературы, т. V, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 56.

⁶⁵ Ю. М. Лотман. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789—1803). — «Ученые записки Тартуского гос. унив.», Труды Истор.-филол. факультета, вып. 51, 1957, стр. 122—162.

⁶⁶ В. В. Виноградов. Неизвестные сочинения Карамзина. — В кн.: Проблема авторства и теория стилей. Гослитиздат, М., 1961, стр. 219—361.

звучит довольно странно: «Bald aber ging er, unter dem Einfluss seines Freundes Petrov, eigene Weg»⁶⁷ («Но скоро, под влиянием своего друга Петрова, он пошел собственным путем»). Такое исключение Петрова из числа масонов — явная ошибка.

Но едва ли можно вообще ставить вопрос об отношениях Карамзина и масонства как некоего единого целого. Разнообразие взглядов отдельных масонов (о чем говорилось уже выше) естественно обусловило и различное отношение их к Карамзину и к его издательской деятельности.

Судя по упоминавшимся уже письмам А. А. Петрова к Карамзину, а также по всем отзывам писателя о своем друге в последующие годы,⁶⁸ у них не было принципиальных расхождений. Издание журнала, видимо, Петров считал таким же «добрым и общепользным делом», как и перевод «Рассматривания Натуры» Бонне:⁶⁹ это никак не могло противоречить его масонским принципам, усвоенным еще от Шварца и Новикова.

Надо полагать, что и другие масоны, которые приняли участие в «Московском журнале» (прежде всего М. М. Херасков, затем Д. И. Дмитриевский, Ф. П. Ключарев, И. П. Тургенев),⁷⁰ считали его издание «добрым и общепользным делом».

Те резко отрицательные отзывы о журнале Карамзина, которые встречаются в письмах И. В. Лопухина, Н. Н. Трубецкого, М. И. Багрянского и А. М. Кутузова, были вызваны разными причинами. У первых троих явно не было ни малейшего сочувствия и дружеского участия по отношению к самому Карамзину, который «быв еще почти ребенок, дерзнул на предприятие предложить свои сочинения публике».⁷¹ Его издание казалось им «безумным предприятием неопытного молодого человека»,⁷² который «donne au public un journal le plus mauvais sans doute qu'on peut présenter au monde éclairé» («издает для публики журнал, без сомнения, самый плохой, какой можно представить просвещенному свету»)⁷³. Кроме откровенного пренебрежения к «суетному» делу Карамзина, проявившего самонадеянность вместо стремления к самосовершенствованию, в их письмах слышится явное желание показать свою полную непричастность к затее издателя, так как

⁶⁷ W. Miller. Die Entwicklung der politischen Anschauungen Karamzins. — Historische Veröffentlichungen der Freien Universität Berlin, Bd. 2, Berlin, 1955, стр. 180.

⁶⁸ В произведениях Карамзина А. А. Петров носит имя Агатон.

⁶⁹ Письмо А. А. Петрова Н. М. Карамзину 19 июля 1792 г. — «Русский архив», 1866, стр. 1762.

⁷⁰ Подробнее см.: В. В. Виноградов. Неизвестные сочинения Карамзина, стр. 250.

⁷¹ Письмо Н. Н. Трубецкого А. М. Кутузову 20 февраля 1791 г. — В кн.: Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII века. Пгр., 1915, стр. 94—95.

⁷² Там же, стр. 94.

⁷³ Письмо М. И. Багрянского А. М. Кутузову 29 января 1791. — Там же, стр. 86.

они хорошо знали о «перлюстрации» писем и старались по возможности обезопасить себя от всех подозрений.

Самые честные и бескорыстные люди, близкие Карамзину, как например А. М. Кутузов, были недовольны его издательской деятельностью потому, что не видели в ней общественной пользы. Кутузову казался журнал Карамзина недостаточно глубоким, а главное — недостаточно полезным. «За всякое праздное слово дашь ответ», — повторяет А. М. Кутузов в письме к А. А. Плещееву 7/18 мая 1791 г.⁷⁴ Он считает, что нужно писать только о «важных материях» и упоминает о своем «философическом исследовании о причинах, приведших в ослабление любовь к отечеству в россиянах», работу над которым он оставил, не найдя в себе для этого высокого предмета «вдохновения свыше».⁷⁵

Этот принцип «общественной полезности» во многом определяет для масонов и их литературные интересы, к характеристике которых мы переходим.

Художественные вкусы значительного круга масонов (особенно А. М. Кутузова) связаны с определенными темами и жанрами. Важно, чтобы «предмет» писателя был достаточно значителен и серьезен, а жанр соответствовал высокой теме.

Героический пафос характерен и для оригинальных сочинений масонов и их переводов. Именно А. М. Кутузов в 1785 г. переводит «Мессиаду» Клопштока.⁷⁶ Русским масонам было очень близко настроение немецкого поэта, который свою основную задачу видел в том, чтобы «нести свет в сердца людей».⁷⁷ У них было такое же понимание «чувства» — как чувства не интимного, частного, но грандиозного, простирающегося на все человечество.⁷⁸

Ф. П. Ключарева, мало известного, не сравнимого по своему значению с Херасковым, но все же пользовавшегося некоторой славой в свое время, Н. М. Карамзин называл «ein philosophischer Dichter» («поэт-философ»)⁷⁹.

Вероятно, современники знал гораздо больше сочинений Ключарева, чем известно нам сейчас. Но и по имеющимся материалам можно сделать некоторые выводы.

⁷⁴ А. М. Кутузов. Письма. — «Русский исторический журнал», 1917, кн. 1—2, стр. 132.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Мессия. Поэма, сочиненная г. Клопштоком. Перевод с немецкого, чч. 1—2. Тип. Лопухина, М., 1785—1787.

⁷⁷ В. П. Неустроев. Немецкая литература эпохи Просвещения. М., 1958, стр. 66.

⁷⁸ Мнение о Клопштоке как представителе прогрессивного направления в немецком сентиментализме подробно обосновано М. Л. Тройской в диссертации на степень доктора филологических наук «Сатира и сентиментально-юмористический роман в немецкой литературе эпохи Просвещения» (Ленингр. гос. унив., 1963).

⁷⁹ Переписка Н. М. Карамзина с Лафатером. Сообщена Ф. Вальдманом, СПб., 1893, стр. 21.

Трагедия «Владимир Великий»⁸⁰ написана, казалось бы, в духе сумароковских трагедий и по сюжету, и по характерам, и по торжественному высокому стилю. Владимир любит Рогнеду, но она видит в нем врага своего отечества. Первый боярин Студ, желая захватить власть, убеждает Владимира, что Рогнеда хочет его убить. Поверив этой клевете, Владимир приказывает казнить Рогнеду. Однако, видя, как она прощается с сыном, он перестает верить наветам, восклицая:

Всегда я человек.
Иль то забыть возможно?⁸¹

Студ, поняв свою неудачу, кончает самоубийством. Таким образом, развязка определяется не внешними событиями, не новыми фактическими сообщениями, а как бы внутренним психологическим процессом, который происходит в душе Владимира. При этом интересно, что побеждает в нем то лучшее, что присуще ему как «человеку». Воспевание великого «чувства» требовало соответствующего выражения, и на помощь здесь приходили многие достижения классицизма. В творчестве Ф. П. Ключарева это, пожалуй, особенно ярко проявилось.

Известные нам оды Ключарева выдержаны в классической традиции. «Высокое парение» его религиозного экстаза нигде не нарушается неподобающими бытовыми, просторечными элементами. Вот характерное начало его «Воплощения Мессии»:

Немейте громы, вихри, спите —
Раздор стихий здесь усмирись.
Благоговейте все, молчите!
Земля весельем облекись!
О сердце — понт неумеримый!
Кипящи страсти обуздай,
Смиренно песни сей внимай!
Предмет в ней — бог непостижимый.⁸²

Правда, как бы ни был высок и значителен воспеваемый «предмет», ода представляет собой изливание чувства автора, который и не скрывает этого, а скорее наоборот, подчеркивает. В другой своей оде Ключарев, нарисовав картину будущего России, которой «вся вселенна удивится», пишет:

Мое вниманье усладилося,
И сердце током слез излилося;
Я славил, пел, благословил;
Слова текли во мне, как реки,

⁸⁰ Ф. Ключарев. Владимир Великой. Трагедия. Унив, тип., М., 1779.

⁸¹ Там же, стр. 49.

⁸² Ф. П. Ключарев. Воплощение Мессии. — В кн.: Приношение религии. Сост. М. Вышеславцев, М., 1798, стр. 1—12.

А мысль в себя вмещала веки;
Я сам себя не находил! . . .⁸³

И все же эти оды Ключарева примыкают совершенно очевидно к классической традиции даже более тесно, чем оды М. М. Хераскова.

Г. Н. Поспелов справедливо указывал, что «оды Хераскова — результат переоценки общественно-нравственных ценностей, происходящей „в недрах классицизма"»,⁸⁴ так как «образное мышление Хераскова абстрактно, рационально по внутренней форме», поскольку он «переживает рационалистически».⁸⁵

Однако едва ли можно согласиться, что это новое направление, выразителем которого явился и Херасков, полностью противостоит просветительству. Идея гражданского служения, как бы отвлеченно оно ни понималось, была в высшей степени присуща масонской литературе.

Близость к классической традиции проявляется не только в том, что стихи Ломоносова и Сумарокова пользуются еще успехом. Главное — это сохранение многих принципов классицизма у некоторых современных авторов. Драматургическое творчество Княжнина и Николева в 80-х годах исследователи по праву называют «гражданским или просветительским классицизмом».⁸⁶ Там, где тема достаточно серьезна, торжественная патетика становится вполне уместной даже у таких авторов, как например Муравьев, Родзянка (друг Жуковского) и др. Приведем в качестве примера строки из стихотворения Муравьева «Храм Марсов»:

О вы, которых долг породы
Зовет в путь чести к знаменам!
Держайте в ваши нежны годы
Проникнуть в страшный Марсов храм.. .⁸⁷

Влияние классицизма, таким образом, было особенно действительно, когда поэты и писатели обращались к темам патриотическим и в некоторой степени гражданским. В связи с этим очень интересны замечания А. П. Скафтымова о стиле «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева,⁸⁸ о «дидактическом тоне» «Путешествия» и его «взволнованной патетике», «обобщенности

⁸³ М. Н. Лонгинов. Новиков и московские мартинисты, Приложение, стр. 013.

⁸⁴ Г. Н. Поспелов. У истоков русского сентиментализма. — «Вестник Московского университета», 1948, январь, № 1, стр. 6.

⁸⁵ Там же, стр. 22.

⁸⁶ Г. А. Гук ов с к и й. Русская литература XVIII века. М., 1939, стр. 356.

⁸⁷ Собрание русских стихотворений, изд. В. А. Жуковским, т. I, 1811, стр. 116.

⁸⁸ А. П. Ска ф т ы м о в. О стиле «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. — В кн.: Статьи о русской литературе. Саратовское книгоиздательство, 1958, стр. 77—103.

образов» и «динамической структуре речи», унаследованным от классицизма.

Все это, разумеется, не означало возврата к уже пройденному этапу — классицизму первой половины XVIII в.; но во многом представляло собой почву, на которой росло новое.

На теоретических правилах классицизма не только строилось преподавание (например, в Московском благородном пансионе),⁸⁹ но они органически входили в круг литературных принципов многих людей 80—90-х годов. И. И. Дмитриев вспоминает, например, что по совету своего старшего друга Р. И. Козлятева он читал «Курс словесности» аббата Баттё.⁹⁰ В этом отношении представляет также большой интерес письмо А. А. Петрова к Карамзину от 1 августа 1787 г. Защищая Баттё от нападков, Петров хочет доказать, что правила в литературе нужны. Он пишет: «Мне весьма приятно, что Баттё тебе нравится — Фенелон, Аддисон, Геллерт были просты, чувствовали, имели природный дар... однако ж они учились правилам и употребляли их. — Простота чувствования — превыше всякого умничанья... Однако ж простота не состоит ни в подлинном, ни в притворном незнании».⁹¹ Эти строки особенно замечательны потому, что принадлежат человеку, который в то же время высоко ценит Шекспира, близко знаком с поэтом «бури и натиска» Якобом Ленцем, интересуется поэзией Томсона и т. д.⁹²

Действительно, образованный человек этого времени не мог уже удовлетворяться только классическими вкусами, когда было совершено великое открытие — открытие «чувства».

Писатели, которые, казалось бы, целиком следуют классическим традициям, не могут избежать влияния новых веяний. Так, Я. Б. Княжнин еще в 70-х годах переводит Гесснера и сентиментальный роман «Граф Коминж». Среди его оригинальных стихов также попадаются вещи, написанные совсем не в классическом духе. Вот для примера хотя бы несколько строк из его стихотворения «Ты и вы»:

Вспомните, как вы была лишь только ты,
Еще не знающа величия мечты,
На имя Лизаньки мне нежно отвечала,
За пламень мой меня улыбкой награждала...

⁸⁹ *i*«L'éducation littéraire que Joukovski reçoit à la Pension noble est fondée sur des principes nettement classiques» («Литературное воспитание, которое Жуковский получает в Благородном пансионе, основано на чисто классических принципах»), — справедливо пишет французский биограф Жуковского М. Эрар (М. Ehrhard. V. A. Joukovski et le préromantisme russe, стр. 40).

⁹⁰ И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. — Сочинения, т. II, СПб., 1893, стр. 30—31.

⁹¹ «Русский архив», 1863, вып. 5—6, стр. 482—483.

⁹² Там же.

⁹³ Это стихотворение, написанное еще в 1770-е годы, включено в антологию В. А. Жуковского (Собрание русских стихотворений, т. I, 1811, стр. 116).

Влияние все больше распространявшейся литературы сентиментализма было связано с теми идеями, которыми она вдохновлялась. Как указывали исследователи, «эстетическим выражением антифеодальных сдвигов, происходивших в русской (так же, как и в западной,—*Н. К.*) общественно-литературной мысли, явились и ее сентименталистские устремления»,⁹⁴ так как «коренной догмат сентиментализма: все люди морально равны».⁹⁵ Но если человек оказывался велик своим чувством, а не богатством и чинами, то и чувство его должно быть не мелкое, а великое и благородное. Такое чувство и воспевают штюмеры, Гете в «Вертере», Клопшток; такое чувство близко и понятно А. М. Кутузову и другим лучшим деятелям масонства. К ним вполне можно применить слова, сказанные Г. П. Макогоненко о русских писателях-просветителях: «Способность „узвляться“ страданиями человечества, уметь сострадать и действовать на благо людей и отчества... была объявлена главной чертой личности».⁹⁶ Эти патриотические и гражданские чувства во многом сближались иногда с высокими страстями, воспетыми классицизмом, хотя, разумеется, они имели совершенно иную основу — сенсуализм. Правильно указывая, что сентиментализм нельзя сводить к «жеманству», «прикрашиванию», «идеализму», некоторые исследователи считают сентименталистом Радищева.⁹⁷ Такое мнение, конечно, имеет серьезные основания. Но, к сожалению, оно часто ведет к несправедливой оценке творчества других писателей-сентименталистов, если к ним применяют мерку Радищева. Это относится и к литературным интересам многих масонов и особенно, конечно, к Карамзину. Если «чувство» у писателя не имеет такой боевой направленности и активной гражданственности, как у Радищева, это еще не значит, что оно сводится только к области узко-личной интимной жизни.

Это может подтвердить и сравнение с литературой немецкого сентиментализма, сравнение, может быть, слишком упрощенное, но зато достаточно яркое. Наиболее прогрессивное крыло немецкого сентиментализма («*Sturm und Drang*» во главе с гетевским «Вертером» и Клопшток) в какой-то мере противостоит более реакционному крылу, представленному «Знгвартом» Миллера и отчасти Софи Ларош.⁹⁸ Однако у Клопштока в образе Христа в «Мессиаде» проявился немецкий «пиетизм, бессилие, религия

⁹⁴ История русского романа, т. I, стр. 66.

⁹⁵ Л. В. Пумпянский. Сентиментализм. — В кн.: История русской литературы, т. IV, ч. 2, Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 436.

⁹⁶ Г. П. Макогоненко. Денис Фонвизин. Гослитиздат, М.—Л., 1961, стр. 285.

⁹⁷ Л. И. Кулакова. О некоторых особенностях творческого метода А. Н. Радищева. — «Ученые записки Ленингр. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена», т. 219, Л., 1961, стр. 3—21; П. А. Орлов. Радищев и сентиментализм. — «Ученые записки Рязанск. пед. инст.», т. XIII, 1956, стр. 60—87.

⁹⁸ Такова точка зрения М. Л. Тройской, разделяемая многими другими специалистами по немецкой литературе.

сердца», непротивленчество." Возражая против попыток К. Грюна сделать из Вертера чуть не революционера в книге «О Гете с человеческой точки зрения», Ф. Энгельс писал: «Этот вопль отчаяния мечтательного плаксы по поводу пропасти между бюргерской действительностью и своими, не менее бюргерскими, иллюзиями относительно этой действительности, эти жалкие, основанные исключительно на отсутствии элементарного опыта, вздохи г-н Грюн. . . выдает за острую и глубокую критику общества».¹⁰⁰

Вместе с тем высоко ценя Гете и его «Вертера», Энгельс показывает, что слабая сторона мировоззрения Гете обусловлена не только его личной слабостью, но и ограниченностью немецкой общественной жизни его эпохи.¹⁰¹

Эта мысль вполне применима и к России конца XVIII в., если говорить о слабостях мировоззрения масонства и некоторых писателей-сентименталистов.

Сравнение с немецкой литературой, разумеется, очень схематично, уже хотя бы потому, что ограничивается только рамками сентиментализма. Здесь нет необходимости говорить о том, насколько сложна и многообразна была литература этого времени в Германии; но даже те немногие наблюдения, которые были уже сделаны на материале русской литературы, показывают, как тесно переплетались здесь между собой классицизм и сентиментализм.

Масонство было, во многом философской основой для нового направления — сентиментализма. Обращение масонов к проблемам морали, их внимание к внутреннему миру людей помогло литературе в ее стремлении к максимально правдивому и разностороннему изображению человека. Но художественные вкусы масонов в то же время были тесно связаны с литературой классицизма, особенно когда речь шла о высоких чувствах и торжественных событиях. Это было, конечно, не возрождение классицизма первой половины века, но творческое восприятие традиций недавнего прошлого. В некоторых случаях соблюдение классических принципов приводило к невольному эклектизму, но чаще эти принципы переосмыслились и органически сочетались с новыми идеями. При этом классицизм, в понимании многих масонов, был очень близок к просветительскому классицизму. И это обстоятельство не случайно, так как взгляды отдельных масонов не противостояли просветительству, а скорее совпадали с ним в та-

³⁹ В. М. Жирмунский. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур. — В кн.: Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. М., 1961, стр. 60.

¹⁰⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, изд. 2-е, 1955, стр. 236.

¹⁰¹ См.: Г. М. Фридлендер. К. Маркс и Ф. Энгельс и вопросы литературы. Гослитиздат, М., 1962, стр. 433.

ких существенных вопросах, как отношение к образованию и взгляд на «естественного человека».

Настоящая статья не может претендовать на окончательное решение тех проблем, которые были названы в начале работы. Но факты, приведенные здесь, дают некоторое представление о сложности взаимосвязей между разными литературными направлениями и идейно-философскими исканиями русских масонов 80-х годов XVIII в., в окружении которых проходило формирование Н. М. Карамзина как писателя.

Далеко не все идейные и художественные взгляды масонов были восприняты Карамзиным, многое его совсем не удовлетворяло. Но именно в масонской среде писатель должен был определить свое отношение к важнейшим вопросам современности и выбрать свой собственный путь.

